

УДК 81(091)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ, ТОЛМАЧЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ И В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ (XVIII–XIX вв.)

Г.С. Султангалиева, доктор исторических наук

В XVIII в. Оренбургский край занимал особое место в стратегической политике русского правительства. Вхождение казахов Младшего и части Среднего жуза в состав Российской империи (30-е гг. XVIII в.), образование Оренбургской губернии (1744) поставило перед российской властью задачу поиска новых форм управления населением, отличающимся хозяйственно-культурным типом (кочевое скотоводство), языком (кыпчакская группа тюркских языков) и вероисповеданием (ислам суннитского толка). Деятельность первых начальников Оренбургского края по освоению новой территории и установлению сотрудничества с представителями казахской элиты столкнулась с определенными сложностями. Во-первых, потребность в тесных и повседневных контактах региональной администрации с казахским населением и развития дипломатических, торговых отношений с сопредельными среднеазиатскими ханствами обусловила необходимость создания корпуса переводчиков и толмачей (для устных переводов). Однако обеспечить органы регионального управления достаточным количеством переводчиков, толмачей из русских чиновников было невозможно из-за незнания ими казахского языка и обычаев народа, и отсутствием достаточных материальных средств на соответствующую оплату работы переводчиков в приграничной зоне, сопряженной с трудностями, по сравнению с внутренними губерния-

ми России. Во-вторых, представители казахской знати не знали письменного тюркского литературного языка, не говоря о русском, что, естественно, затрудняло официальную переписку с ними. Исходя из сложившейся ситуации (недостаточная обеспеченность местной администрации переводчиками) и стратегической роли Оренбургской губернии в восточной политике России, правительство сочло необходимым рекрутировать их из татар Волго-Уральского региона, как подданных Российской империи с XVI в., имевших традиционные контакты с казахами в силу общности этнолингвистической и конфессиональной системы. В связи с этим известный востоковед В.В. Григорьев (1816-1881), находясь на службе в Оренбурге, констатировал, что правительство в первой половине XVIII в., не зная обычаи, язык, религию казахов и «пружину, приводящую их в действие», посчитало, что казахи тождественны этнографически с поволжскими татарами, и перенесло опыт управления нерусскими народами Поволжья в Казахскую степь и внедрило татарский язык в делопроизводство региональной администрации, будучи «в полной уверенности», что обращаются к казахам «... на их родном, вполне понятном наречии...»¹.

Первые администраторы Оренбургского края (И.Кириллов, А.Тевкелев, В.Татищев, И.Неплюев) уже в середине 30-х гг. XVIII в. в штат региональной администрации рекрутировали татар в качестве толмачей, которые

естественным образом могли выступить посредниками в процессе политической интеграции Казахской степи в общеимперскую систему. Наиболее известными толмачами в 30-40-х гг. XVIII в. были Араслан Бекметев², Роман Уразлин³, неоднократно «посылаемые» в Степь для выяснения внутренней обстановки в Младшем и Среднем жузах, степени взаимодействия хана Младшего жуза Абулхайра с башкирскими повстанцами (1737-1738). К этому времени они уже имели опыт работы, ибо оба были переведены в Оренбургскую экспедицию из Уфимской провинциальной канцелярии. В 40-х гг. XVIII в. А.Бекметев участвовал как толмач на переговорах Абулхайра хана с начальниками Оренбургского края (В.Татищевым, В.Урусовым, И.Неплюевым), на принятии присяги у Абулхайра хана, биев и старшин Младшего жуза в 1740, 1742 гг. в Орске, а Р.Уразлин – у хана, известных султанов и старшин Среднего жуза. В конце 40-60-х гг. XVIII в. известными толмачами Оренбургской губернской канцелярии были Яков (Юмагул) Гуляев⁴, Усман Арасланов⁵, ставшие уже свидетелями взаимоотношений хана Младшего жуза Нуралы и влиятельного султана Среднего жуза Аблая с Оренбургской администрацией и сопредельными государствами.

Региональная администрация прекрасно понимала роль и значение деятельности переводчиков в полиэтничном Оренбургском крае и неоднократно поднимала вопрос об этом перед верховной властью. И только спустя более 30 лет, после образования Оренбургской губернии, Екатерина II утвердила доклад Сената «О имени в Оренбургской губернии переводчиков и толмачей» (29 июля 1770 г.). В соответствии с данным указом в губернской канцелярии письменными и устными переводами положено было заниматься одному переводчику и трем толмачам с «тюрки», одному переводчику с калмыцкого. Конечно, этот штат переводчиков не соответ-

ствовал потребностям и задачам, стоящим перед региональной администрацией. Вопрос о переводчиках встал остро и в связи с созданием в 1782 г. Пограничной экспедиции – специального управления «для отправления пограничных дел», касавшихся казахов. В 1799 г. на базе этого управления была создана Коллегия пограничных дел, переименованная позже в Оренбургскую пограничную комиссию – своеобразный филиал Министерства иностранных дел в Оренбургском крае, что свидетельствовало о роли региона в решении не только пограничных, но и внешнеполитических вопросов. В начале XIX в. штат Оренбургской пограничной комиссии расширился, были утверждены новые должности: председатель комиссии (ранее возглавлялась оренбургским обер-комендантом), советник (две вакансии) и чиновник «для политических сношений» с Казахской степью, среднеазиатскими ханствами и странами Среднего Востока, канцелярские служащие, толмачи и конфиденты. Через 50 лет корпус переводчиков в штате Оренбургской пограничной комиссии, по сведениям дореволюционного исследователя А.В. Васильева, состоял из десяти человек: два переводчика, три толмача и конфиденты в количестве пяти человек «для отправки» в степь⁶.

О целенаправленной тактике российских властей по инкорпорированию татар Волго-Уральского региона на государственную службу во вновь созданные органы управления в оренбургском регионе свидетельствовали указы Екатерины II⁷, изданные фактически одновременно, а именно в 80-х гг. XVIII в. Они позволяли представителям татарского населения получить чины, вознаграждения, почетные звания и войти в привилегированное сословие имперской России – дворянство. Должности толмачей и переводчиков региональных пограничных администраций занимали в основном представители титулованной татарской знати (из потомственных дворян

или мурз). Это связано с тем, что в словной имперской России избрание на государственную службу и соответственно определение в табельный чин предполагало принадлежность кандидатов к привилегированным группам. Конечно, были и исключения, но местная администрация старалась присвоить им первый чин, т.к. согласно «Табели о рангах» каждый, выслуживший первый (низший) классный чин, получал личное дворянство. Переводчики региональных администраций подбирались тщательно «со строгой осмотрительностью», основным критерием, конечно, были «...ловкость, благонадежность избираемого и содействие благим целям правительства»⁸. Это определяло характер и сущность деятельности переводчиков в Казахской степи, которые кроме своих непосредственных обязанностей должны были дать казахам понятие о российских законах, чем «способствовали бы сохранению между ордынцами тишины и спокойствия»⁹.

Кроме того, деятельность толмачей, переводчиков обуславливалась ролью Оренбургского региона в центрально-азиатской политике империи, от них требовалось знание не только казахского или татарского, но и других восточных языков. Не случайно председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.П. Веселицкий в своем ходатайстве о назначении на должность переводчика Абдуллы Амирова (татарин из деревни Стерлибашево знал персидский и др. языки) подчеркивал, что канцелярии местной администрации «нужны знающие восточные языки, особенно для перевода письма»¹⁰.

В XVIII–XIX вв. сложилась династия татарских толмачей, переводчиков. Это известные фамилии – Бигловы¹¹, Батыршины¹², Аитовы¹³, Еникеевы¹⁴, Субханкуловы¹⁵, начавшие свою деятельность с регистраторов, младших толмачей и достигшие высоких наград и рангов. Формирование династий свидетельствует о выраженной

тенденции складывания определенной профессиональной группы переводчиков. Более того, анализ послужных списков показал, что браки заключались внутри этой социальной группы, которая отличалась определенным уровнем образования, образом жизни, системой ценностей. Возникла даже, как заметила И.М. Гвоздикова, новая социальная категория канцеляристов «из переводческих детей»¹⁶.

В исторической литературе восстановлена в определенной степени общая тенденция и эволюция политики имперской власти к посреднической функции татар, их роли в трансформации казахского кочевого общества в процессе имперской интеграции на протяжении XVIII–XIX вв.¹⁷ Определенное внимание в историографии уделено деятельности и судьбе татарского дипломата, переводчика Коллегии иностранных дел К.М. Тевкелева (1674/75 – 1766)¹⁸. Вместе с тем татары, выполнявшие коммуникативные функции при региональной администрации, владели конкретно-исторической информацией по социально-политической и культурной жизни казахского народа, которая представляет интерес для исторической науки. Поэтому представляется важным системное изучение деятельности татарских переводчиков, толмачей в процессе интегрирования казахских земель в состав империи, их административной карьеры, круга общения как с представителями казахской элиты, так и с рядовыми кочевниками. Осмысление разносторонней деятельности этих лиц, выполнявших вторые или третьи роли в реализации политики региональной власти, имеет особое значение, поскольку именно через их опыт, знания и действия можно глубже понять модели, конструкции и механизм политики Российской империи по отношению к Степи и среднеазиатским ханствам в XVIII – XIX вв.

Многовекторная деятельность татарских переводчиков

а) политическая разведка

Деятельность татарских толмачей, переводчиков сводилась «не столько в отправлении их прямой должности», сколько «к разведыванию тамошних обстоятельств», особенно в первой половине XVIII в., когда российские власти не имели достаточных сведений о природно-географических условиях, хозяйстве, культуре, обычаях и языке казахского народа¹⁹. Их сведения имели различный характер: от взаимоотношений представителей казахской элиты с соседними народами и странами до внутривекторной обстановки, месторасположений кочевий, составление досье на влиятельных казахских старшин или биев, отслеживание настроения представителей казахской элиты и т.д. Все их доклады, сообщения находились в особом отделении канцелярии Оренбургского губернатора, что указывало об особой значимости, важности и секретности их сведений. Все они сортировались, из них составлялись отчеты, и вырисовывалась общая картина внутривекторного положения Казахской степи, контуры дальнейших действий и направлений политики центральной власти империи. Оренбургское губернское правление на этих донесениях очень часто ставило резолюцию: «...одобрить за составленные обстоятельные сведения, обещать внимание начальства и прочее...»²⁰. При этом каждый переводчик или толмач, так сказать, специализировался на том или ином регионе в Казахской степи, где он был узнаваем казахским населением, устанавливал дружественные отношения с ними, имел доверенных лиц, которые информировали его об изменениях, происходивших в этой части казахских кочевий. Так, переводчик Роман Уразлин собирал сведения о деятельности ханов и султанов, старшин и батыров Среднего жуза, информацию о Младшем жузе доставляли Усман Арасланов и Араслан Бекметов. Первый Оренбургский губернатор

И.И. Неплюев подчеркивал в своих докладах в Сенат и Коллегию иностранных дел, что информация его основана на «известиях» переводчиков, которых он отправлял в Степь с конкретной «инструкцией» и задачами.

Донесения генерал-губернатора Уфимского и Симбирского наместничества барона О. Игельстрома в Петербург о внедрении новой системы управления (Пограничный суд и Пограничная расправа) и движения казахов под предводительством Срыма Датова (1783-1797) в основном были основаны на сообщениях коллежского асессора М. Бекчурина и ахуна Сетовской мечети М. Хусаинова. Не случайно, что расцвет их карьеры падает на 70-90-е гг. XVIII в.

С введением в первой половине XIX в. института приставства при казахских ханах, позже при султан-правителях и попечительства при прилинейных казахам сообщения стали носить более полный и системный характер. Пристав имел широкие полномочия как официальный представитель русского правительства и советник султана-правителя, он «тщательно и зорко» наблюдал за нравами и обычаями казахов вверенной ему территории, направлял деятельность султана-правителя в нужном империи русле и собирал подробную информацию. Назначались на эти должности в основном переводчики-чиновники Оренбургской пограничной комиссии, т.к. эти лица должны были показать не только хорошее знание казахского языка, но и Степи. Именно такой разносторонний вектор обязанностей выполнял толмач М.-Ш. Аитов, получивший 18 ноября 1849 г. назначение на должность попечителя у казахов Оренбургской дистанции²¹. Будучи на этой должности, Мухамед-Шариф Аитов выполнял обязанности пристава при султане-правителе Восточной части Младшего жуза полковнике А. Джантюрине во время его поездки в Санкт-Петербург в 1849 г. За хорошее выполнение им обязанностей М.-Ш. Аитов в марте 1850 г.

был награжден орденом св. Анны третьей степени²².

б) посредническая роль татарских переводчиков

Знание татарскими переводчиками языка и быта казахского народа было использовано русской администрацией и в решении важных вопросов на рубеже XVIII–XIX вв.: возвращение русских пленных, урегулирование отношений между прилинейными казахами и русскими, разрешение земельных споров между казахами и башкирами, казахами и калмыками, казахами и казаками; введение административных реформ, создание новых органов управления в Степи и т.д. Так, генерал-губернатор Уфимского и Симбирского наместничества барон О. Игельстром неоднократно отправлял переводчика М.Бекчурина в казахские кочевья (1785, 1787, 1790) при создании первых административных учреждений в Степи – Пограничного суда и Пограничных расправ. М.Бекчурин участвовал в переговорах оренбургской администрации с казахскими старшинами. В период движения сопротивления казахов под предводительством С.Датова принимал присягу у старшин Младшего жуза в верноподданстве в 1785, 1787 гг. О.Игельстром при отправке М.Бекчурина рассчитывал на то, как «способнейший, благонадежный ... мусульманин» мог «более всех» разрешить возникшие конфликтные ситуации²³. И это не случайно, потому что казахское население доверяло переводчику, а Айшуак хан, старшины, бии Младшего жуза всегда советовались с ним и подчеркивали проницательный и острый ум М. Бекчурина²⁴.

В первой половине XIX в. в состав различных комиссий по вопросам, касающимся Казахской степи, независимо от того, создавались ли они региональными или центральными властями, обязательно входили татарские переводчики Оренбургской пограничной комиссии. Учитывался не только фактор знания ими языка, но и хорошее

знание ими кочевого быта казахов, ибо они становились и экспертами в принятии тех или иных решений. Членами комиссий были М.-Ш. Аитов (комиссия по ревизии уплаты кибиточной подати родов адай, шомекей, табын, 1845); Салих Биглов (комиссия по административному устройству и разделению Азиатской России и Оренбургского края (1866); С.Батыршин (комиссия по распределению земли вдоль левого берега р.Урал между Уральскими казаками и казахами (1866) и т.д.

Кроме того, переводчики постоянно находились при казачьих отрядах, закладывавших военные укрепления в степи: Уральское, Оренбургское, форт Карабутак и др.²⁵

Посредническая деятельность татарских переводчиков хорошо прослеживается и в период отчаянного сопротивления казахского народа в процессе глубокого реформирования степи. Они выступали в качестве арбитров в урегулировании взаимоотношений казахского населения и региональных властей, для «разъяснения противоправных действий» восставшим в период освободительного движения казахов под руководством И. Тайманова и М. Утемисова (переводчики Искандер Батыршин и М.-Ш.Аитов)²⁶ и под руководством Есата Котебарова (переводчик С. Батыршин)²⁷.

Исключением явилась карьера старшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Сулеймана Батыршина, который не только выполнял свои непосредственные функции, но и исполнял в течение 4-х месяцев (с 13 ноября 1865 по 13 марта 1866 г.) должность султана-правителя Западной части области оренбургских казахов. На этом примере можно наблюдать, что региональная администрация наделяла татарских переводчиков реальной властью в степи и через них предприняла первую попытку замены казахов в среднем звене управления представителем русской власти в лице чиновника Оренбургской пограничной комиссии.

в) татарские переводчики и среднеазиатская политика России

Близость казахских кочевий к Каспийскому и Аральскому морям, границам Хивинского и Кокандского ханств, с одной стороны, и роль Оренбурга как опорного центра в проведении центральноазиатской политики, соответственно, расширяли сферу деятельности татарских переводчиков. Уникальное расположение региона, его отдаленность от Петербурга ставили перед оренбургскими губернаторами отличные от внутренних губерний задачи. В Оренбург прибывали официальные посольства и торговые караваны из Хивы, Коканда, Бухары. Сопровождать эти дипломатические и торговые миссии поручалось переводчикам региональной администрации. Естественно, общаясь с их свитами, они получали «нужную информацию» о характере и назначении посольств, о влиятельных чиновниках, о численности, боеготовности армии сопредельных государств и первичные данные на них²⁸. Все это выливалось в докладные татарских служащих о внутреннем положении ханств (Бухары, Коканда и Хивы), об отношениях между ними и казахами, о природно-климатических и географических ресурсах региона, которые позволяли выстроить стратегию и тактику действий русской власти. Особо внимательно к «сведениям» «о здешних пограничных делах», происках английских агентов в Средней Азии, об установлении торговых отношений со среднеазиатскими ханствами, о взаимных претензиях между казахами и Хивой, Кокандом относился Оренбургский губернатор В.Перовский (1795-1857), занимавший эту должность дважды – с 1831 по 1841 г. и с 1851 по 1857 г.²⁹ Не случайно, что именно В.Перовский являлся инициатором российских походов в Хиву (1839 и 1853).

Татарские переводчики сопровождали русские посольства в Хиву и Бухару (М.-Ш.Аитов, С. Батыршин,

М. Бечурин, С.-Г. Чанышев³⁰), Бухарские и Хивинские посольства в Петербург (Н. Банкшеев³¹, С. Батыршин).

За активное содействие в среднеазиатской политике империи ряд татарских переводчиков были повышены в чинах и награждены медалями: Абдулнасыр Субханкулов «за усердное исполнение» своих обязанностей в период пребывания в Бухаре был награжден 23 марта 1811 г. золотой медалью на красной ленте и единовременным пособием – 750 рублей³², Мухамед-Шариф Аитов за содействие в освобождении более 500 русских пленных в Хиве в сентябре 1840 г. получил чин поручика³³; С. Батыршин, неоднократно сопровождавший дипломатические миссии в Хиву и Бухару, получил в 1862 г. чин надворного советника³⁴.

г) вклад татарских переводчиков в изучение истории и культуры казахского народа

Длительные поездки в степи давали возможность татарским переводчикам, толмачам глубже познать жизнь, быт, нужды казахов, собрать этнографические материалы о кочевниках, проводить опросы казахских биев, старшин о нормах обычного права, регулируемых имущественные, семейно-брачные отношения казахов. В силу выполняемых ими специфических функций они вели служебные дневники, «путевые журналы». В государственном архиве Оренбургской области имеется «Журнал учиненный с описаниями издержанных коллежским регистратором и переводчиком Мендияром Бекчуриным во время путешествия по порученной ему секретной экспедиции в Бухарию по возвращении в Оренбург, записок, лежащему тракту»³⁵. Кроме официальных сведений в данном документе имеются сведения по истории и этнографии казахского народа.

Попечитель прилинейных казахов М.-Ш. Аитов собрал интересный материал об имущественных, семейно-брачных отношениях казахов, регулируемых нормами обычного права. Он полагал, что преступления «кои по

закону должны бы разбираться и судиться в степи по народным обычаям, невозможно определить», ибо существует тонкая грань между делами, которые подлежали бы общим законам империи и народным обычаям. Одним из ярких примеров является барымта. М.-Ш. Аитов считал, что осуждение казахов по общеимперским законам за барымту не искореняет ее, ибо она будет продолжаться до тех пор, пока не будет вынесено решение по народным обычаям. Поэтому он предлагал «полезным исходатайствовать о смягчении меры наказания за барымту, которая строгостью наказания, обвиненным в одной, не прекращается, но усиливается взысканием куна за осужденных и сосланных». Кроме того, М.-Ш. Аитов собирал материал об обрядах, выполняемых казахами при перекочевках и при погребении умерших.³⁶

Коллежский секретарь Оренбургской пограничной комиссии Салих Рахматуллин Биглов представил 12 марта 1846 г. в региональную администрацию подробные сведения о судах биев и мерах наказания по обычному праву казахов, кочующих в районе Уральского укрепления. Ценность его доклада заключалась в том, что он включил имена наиболее известных своим умом и опытом биев родов шомаекей, торткара, шекты с указанием их летних и зимних кочевков³⁷. В представленных ими материалах отражается глубокое понимание ими особенностей правовой жизни кочевников и живой интерес к быту и нравам казахов, среди которых они служили. Кроме того, Салих Биглов, командированный на два года (с 19 мая 1845 г. по 10 мая 1847 г.) в Уральское укрепление на р.Иргиз, не только был свидетелем основания крепости отрядом Уральского казачьего войска под руководством Назарова, но и вел «Дневную запись», представляющую интерес в изучении этнографии и культуры казахского народа.

Значимость материалов, представляемых татарскими переводчиками, определяется и тем, что они состав-

лены очевидцами событий в Казахской степи XVIII-XIX вв. К тому же личное знакомство с представителями казахской элиты (ханы, султаны, бии, старшины), от которых они получали объяснение тех или иных явлений в жизни казахского народа, собственные наблюдения повышают содержательность их материалов. С другой стороны, на основании их сообщений региональные власти разрабатывали дальнейшие направления политики по расширению транзитной торговли, разработке административно-политических мероприятий и изменению социальной жизни кочевого общества и т.д.

Заключение

Деятельность татарских переводчиков на территории Казахстана была неоднозначной. Будучи чиновниками региональной администрации, татарские переводчики выполняли более широкие задачи, чем непосредственно их обязанности. Не случайно Н. Ильминский писал, что «татары – первые посредники между русским правительством и казахской Ордой и единственные почти до последнего времени – переводчики и толмачи»³⁸. Они выполняли миссию в установлении диалога и понимания между региональной властью и казахской элитой, в организации и приеме дипломатических миссий из сопредельных государств и отправлении русских посольств в среднеазиатские ханства, в налаживании торговых трактов между Россией, Степью и Средней Азией и т.д. Татарские переводчики занимали важное звено в реализации имперской политики в степи: неоднократно выезжали в казахские кочевья для сбора сведений, сопровождали различные экспедиции в степи, выступали арбитрами в конфликтных ситуациях и, наконец, были свидетелями основных событий, происходивших на казахских землях. Конечно, характер, содержание деятельности, круг обязанностей и полномочий переводчиков, толмачей зависели от политики региональных

властей в полиэтничном регионе на том или ином этапе.

Татары Волго-Уральского региона, раньше инкорпорированные в административные органы управления империи, несомненно, оказали влияние на постепенное изменение ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов представителей казахской элиты. Во-первых, татары, работая в органах управления, являли в сознании единоверцев-казахов образ нерусского чиновника, находящегося на российской службе, пользующегося влиянием и уважением как у своих соплеменников, так и у власти. Для представителей же казахской знати важно было сохранить влияние в изменившихся условиях, поэтому «татарские» переводчики были образцом «иногородца», сделавшего карьеру и использующего свое положение для улучшения состояния и продвижения по службе детей.

Вместе с тем и в сознании рядовых кочевников в первой половине XIX в. образ татарского переводчика также воспринимался уже не столько как образ единоверца, а больше как представителя русской власти, к которому можно апеллировать. В первой половине XIX в. наряду с татарами – чиновниками административных органов управления появились и казахи, выпускники русских учебных заведений Оренбурга, Омска. Все они в основном были представителями казахской элиты, которые раньше адаптировались

к новым условиям и в силу традиции, уровня образованности, организационно-управленческих навыков сумели сохранить свое влияние. Деятельность казахских чиновников Мухамед-Гали Тяукина, Альмухамед и Тлеу Сейдалины, Сейтжан Джантюрина, естественно, пересекалась с деятельностью татарских переводчиков. Они могли встречаться и работать в одних комиссиях, принимать участие в обсуждении вопросов административного устройства казахов Оренбургского ведомства, открытиях школ и медицинских учреждений в степи, выделения стипендий для казахской молодежи в учебных заведениях Казани, Оренбурга и т.д. Кроме того, их объединял и исследовательский поиск, направленный на изучение истории и культуры своих народов. Так, казахские чиновники С. Джантюрин, Альмухамед и Тлеу Сейдалины, татарский переводчик Мендияр Бекчурин являлись членами Оренбургского отдела РГО. Наряду с переводчиками С.-Г. Чанышевым, Т.-Б. Еникеевым в работе чрезвычайной комиссии по выработке правил об устройстве учительских школ для иногородцев Оренбургского края принимал участие и Сейтджан Джантюрин³⁹.

Это были контакты представителей первой генерации казахской, татарской интеллигенции, заложивших основу в развитии общественно-политической мысли родственных народов в начале XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. Сборник государственных знаний. Под ред. В.П. Безобразова. Т. 1. – СПб., 1874. – С. 233-234.

² Араслан Бекметев – переводчик Оренбургской экспедиции в 30-40-х гг. XVIII в. Начал службу в Уфимской провинциальной канцелярии в 20-х гг. XVIII в. в качестве толмача. Переводил письма Абулхаир-хана к императрице Анне Иоанновне, иранскому шаху Надиру, хану Хивы. В феврале 1738 г. по поручению начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева выехал к хану Младшего жуза Абулхаиру, который находился у восставших башкир Ногайской даруги Тамьянской волости Уфимского уезда. На основании донесений А. Бекметева о взаимоотношениях хана Абулхаира с башкирскими повстанцами на совместном совещании начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева и начальника Комиссии башкирских дел Л.Я. Соймоновым от 4 марта 1738 г. было принято решение «по обе стороны иметь старание», чтобы Абулхаир-хана «как возможно наискорее из Баш-

кирцев вывести». В 1755 г. ушел в отставку. Имел собственность: дом в Сеитовом посаде Оренбургской губернии, две мельницы на р. Каргала, две мельницы и хутор с различными постройками для скота на р. Тятир и 25 душ обоего пола крепостных крестьян. Все это было завещано сыновьям: Усману (переводчик Оренбургской канцелярии), 6-летнему Сайфулле и 3-летнему Хабибулле // Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М., 1949. Т.3. С. 588; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата. – 1961, док. 369. – С.134; док. № 74. – С.170-171; Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М., 1956. Т.4. Ч.1, док. № 62. – С.104; Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М.–Л., 1936. Ч.1, док. № 164. – С.360-361; док. № 166 – С. 365.

³ **Роман (Рахманкул) Уразлин** поступил на службу в качестве толмача в Уфимскую провинциальную канцелярию, в середине 30-х гг. XVIII в. был переведен на службу в Оренбургскую экспедицию. 13 июня 1737 г. был командирован в кочевья хана Младшего жуза Абулхаира. Он должен был не только передать письмо от начальника Комиссии башкирских дел Л.Я. Соймонова о выдачи Абулхаир ханом башкирских повстанцев, но и выяснить обстановку в Младшем жузе. 7 сентября 1742 г. был отправлен в кочевья хана Среднего жуза Абулмамбета, т.к. хан не явился 23-30 августа в Орск для принятия присяги. 13 ноября 1742 г. Роман Уразлин вернулся в Оренбург и привез присяжные листы не только хана Среднего жуза, но и 62 «лутчих тамошних старшин» и 4 каракалпаков. С июля по октябрь 1745 г. вновь находился в кочевьях Среднего жуза у султана Барака для предотвращения отправки им своего сына в аманаты джунгарскому хану. Оренбургскому губернатору И.И.Неплюеву собирал информацию о внутреннем положении Среднего жуза и взаимоотношениях представителей казахской знати с Джунгарским ханством, Цинской империей. Кроме того, он должен был в процессе постоянного взаимообщения с Абулмамбет ханом оказать на него влияние, чтобы казахская знать Среднего жуза не отправляла своих сыновей аманатами джунгарскому хунтайджи.

Имел сына Михаила, который в 80-х гг. XVIII в. работал переводчиком Оренбургской губернской канцелярии // Материалы по истории БАССР. Сборник документов и материалов. – М.–Л., 1936. Ч.1, док. № 147. – С. 323-324; док. № 167. – С.368; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 79. – С.186; док. № 96. – С.252; док. № 103. – С.268; док. № 105. – С.270; док. № 127. – С.325.

⁴ **Яков (Юмагул) Степанович Гуляев** службу начал с середины 40-х гг. XVIII в. в качестве переводчика Оренбургской губернской канцелярии. И.И. Неплюев характеризовал его как человека надежного и хорошо знающего быт казахов. С августа по октябрь 1748 г. был командирован в Младший жуз для выяснения причин убийства Абулхаир-хана и доставки письма-соболезнования от оренбургского губернатора И. Неплюева родным Абулхаир-хана, для оказания им «вспомоществования в такой их печали» и для «обнадеживания их е.и.в. высочайшею милостию. Фактически с этого момента Я. Гуляев выполнял посреднические функции в переписке родных Абулхаир-хана с оренбургской администрацией. Так, он был переводчиком писем ханши Бопай оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву с просьбой о наказании султана Барака за убийство Абулхаир-хана, писем биев и старшин Младшего и Среднего жузов имп. Елизавете с просьбой об утверждении султана Нуралы ханом Младшего и Среднего жузов. С 26 мая по 19 июня 1758 г. Я. Гуляев находился в кочевьях Нуралы хана для выяснения взаимоотношений его с известным султаном Среднего жуза Аблаем, поддерживавшим тесные контакты с Цинской империей. С ноября 1759 г. по апрель 1760 г. находился в Среднем жузе по распоряжению оренбургского губернатора А. Давыдова, выяснял обстановку в Среднем жузе и взаимоотношения султана Аблая с Китаем // Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 152. – С.394; док. № 153. – С.398; док. № 166. – С.25-432; док. № 234. – С.603-605; док. № 236. – С.607-610; док. № 250. – С.639.

⁵ **Усман Арасланов** – переводчик Оренбургской комиссии, сын переводчика Араслана Бекметева. В 1740-1741 гг. сопровождал поручика Оренбургского драгунского полка Дмитрия Гладышева во время его поездки в Хиву через кочевья Абулхаир-хана. Усман не только

переводил письма Абулхайр-хана к персидскому шаху Надиру (1736-1747), но и доставлял их шаху. С ноября 1746 г. по 29 июня 1747 г. находился в плену у Абулхайр-хана, став заложником ухудшившихся отношений хана с оренбургским губернатором И.И. Неплюевым. Абулхайр-хан выдвинул требование вернуть сына Кожаммета (находился в Казани в качестве аманата) и тогда он выслал бы толмача из Степи. В 50-х гг. XVIII в. был переводчиком писем хана Младшего жуза Нуралы // Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961, док. № 129. – С.330-332; док. № 139. – С.356; док. № 141. – С.358; док. № 142. – С.361; док. № 207-208.

⁶ **Васильев А.В.** Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898. – С.4.

⁷ «О разрешении приема на военную службу и награждение офицерским званием татарских мурз и чиновных людей» (от 1 ноября 1783 г.) и «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» (от 22 февраля 1784 г.) // ПСЗ-1 Т.21. №15861; ПСЗ -1.Т.22. № 15935.

⁸ **Золотов П.О.** О сибирских переводчиках и толмачах во второй половине XVIII в. // Акмолинские областные ведомости. 1873 г. № 9.

⁹ ГАОрО. Ф.6, оп.10, д.2096, л.208 об.

¹⁰ ГАОрО. Ф.6, оп.10, д.209, л.3.

¹¹ **Биглов Салих Рахметуллинович** (род. 1812/1813) родом из мурз, получил домашнее воспитание. 29 мая 1834 г. поступил на службу толмачем Оренбургской пограничной комиссии. 13 мая 1837 г. за усердную службу награжден чином коллежского регистратора, в последующем получил чин губернского секретаря (13 мая 1841г.), 13 мая 1845 г. – коллежский секретарь. 15 марта 1869 г. – титулярный советник, 15 марта 1872 г. – коллежский ассessor.

С 19 мая 1845 г. по 10 мая 1847 г. находился в Уральском укреплении на р. Иргиз. Участвовал в основании крепости как посредник для установления диалога между начальником отряда Уральского казачьего войска Назарова и казахами, кочующими в окрестностях. С 26 мая по 3 августа 1864 г. по распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора был командирован в Восточную часть области оренбургских казахов для примирения казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. С 10 июня по 30 июля 1866 г. по распоряжению Оренбургского генерал-губернатора И.А. Крыжановского находился в качестве переводчика при членах комиссии по административному устройству и разделению Азиатской России и Оренбургского края, генерал-майоре К.К. Гутковском и генерального штаба полковника А.К. Гейнса.

15 марта 1869 г. был переведен на должность переводчика Тургайского областного правления. Вышел в отставку 31 августа 1884 г. Согласно положению Комитета Министров, утвержденном императором Александром III 23 декабря 1884 г., С.Р.Биглову была назначена пенсия 400 руб. в год.

Награжден орденами Св.Станислава 3-й степени и Св.Владимира 4-й степени, знаками отличия беспорочной службы за 15, 20, 25 лет, бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 гг., неоднократно был премирован денежными пособиями в размере от 150 руб.

Женат на Гульсаиде Аитовой, от которой имел сыновей: Мухамеджана, Мухамедияра, Мухамедрахима, Мухамедкарима и дочь Гайникамал.

Из сыновей двое (Мухамедрахим и Мухамедияр) пошли по стопам отца, а двое (Мухамеджан и Мухамедкарим) состояли на службе Оренбургского казачьего войска в чине поручиков / ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.186-192; ГАОрО, ф.6, оп.10, д.5699, л.18 об.; ф.25, оп.2, д.117, л.8-9, ф.4, оп.1, д. 2194, л.47-49; д.3128, л.1-5; д. 3129, л.1-5; д.11.

¹² **Батыршин Сулейман Аллюкович** – 1825 г.р., из дворян Оренбургской губернии, выпускник Оренбургского Неплюевского военного училища. Поступил на службу в 1842 г. в качестве толмача Оренбургской Пограничной комиссии с чином коллежского регистратора. 4 мая 1844 г. переведен на должность младшего переводчика. 29 мая за выслугу лет получил чин губернского секретаря, 21 июля 1850 г. переведен на должность старшего переводчи-

ка. 24 ноября 1850 г. получил чин коллежского секретаря. В июле 1855 г. распоряжением Оренбургского и Самарского генерал-губернатора командирован на Оренбургскую линию для преследования, разьяснения и наказания восставших казахов под предводительством Е. Кутебарова. 18 ноября 1854 г. произведен в чин титулярного советника. С 18 июля по 19 сентября 1856 г. по распоряжению Оренбургского и Самарского генерал-губернатора сопровождал казахскую делегацию от Внутренней Орды в Москву для участия в коронации императора Александра Николаевича. За отличную службу награжден денежной суммой в размере 350 руб. серебром.

В 1857 г. сопровождал Бухарское посольство в г. Санкт-Петербург в качестве пристава. 24 октября 1857 г. произведен в коллежские асессоры. 20 апреля 1858 г. сопровождал русское посольство в Хиву и Бухару в качестве драгомана. В 1859 г. сопровождал Бухарское посольство в г. Санкт-Петербург в качестве пристава. 8 февраля 1862 г. произведен в чин надворного советника.

31 мая 1862 г. награжден единовременным денежным пособием в размере 700 руб.

С 18 апреля по 20 августа 1863 г. исполнял должность советника судного отдела и Временного стола по управлению Внутренней Ордой.

В 1866 г. являлся членом комиссии, учрежденной императором Николаем I, по распределению земли вдоль левого берега р. Урал между уральскими казаками и казахами. 11 февраля 1866 г. «за отличную службу и тяжкие труды» во время работы данной комиссии награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

С 13 ноября 1865 г. по 13 марта 1866 г. исполнял обязанности султана-правителя Западной части оренбургских казахов.

С 10 апреля 1868 г. по 22 января 1869 г. исполнял должность советника уголовного отделения Оренбургской Пограничной комиссии.

22 января 1869 г. определен на должность советника Тургайского областного правления.

За период службы награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степени, знаком отличия за беспорочную службу за 15 лет, бронзовой медалью в память войны 1853-1856 гг.

По сведениям известного исследователя А.И. Добросмылова, С. Батыршин был оклеветан муллою Курманом перед военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюэком и сослан в Уфимскую губернию, затем в г. Онегу Архангельской губернии, где пробыл 5 лет, затем получил прощение и право службы. В последующем жил в г. Ташкент, занимал должность члена городской управы // *Формулярные списки. ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, лл. 45-60; Добросмылов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1898. – С.470.

Батыршин Искандер Алюкович – 1819 г.р., из дворян Оренбургской губернии, выпускник Оренбургского Неплюевского военного училища. В 1837 г. поступил на службу в Оренбургскую Пограничную комиссию в качестве толмача.

В 1837 г. распоряжением Оренбургского генерал-губернатора был командирован во Внутреннюю Орду в качестве толмача при К.К. Геке, возглавившего отряд против восставших казахов под руководством И. Тайманова. В 1838 г. был командирован в казахские степи для разьяснения о противоправных действиях казахов, намеревавшихся под руководством И. Тайманова напасть на аулы султана-правителя Западной части Баймухамеда Айшуакова.

31 декабря 1838 г. был пожалован в коллежские регистраторы «за отличное усердие» в экспедиции против национально-освободительного движения казахов под предводительством И. Тайманова и М. Утемисова.

В 1839 г. был командирован казачьим отрядом для устройства укрепления при урочище Шошка-куль и Эмба.

С 1841 по 1845 г. находился на должности учителя татарского языка в Оренбургском Неплюевском военном училище.

В 1845 г. произведен в чин титулярного советника.

В течение 1846 г. распоряжением Оренбургского губернатора находился в г. Гурьеве и на Мангышлаке в качестве переводчика.

В 1848 г. принимал участие в закладке укрепления Раимское на р. Сырдарья.

В 1849 г. произведен в чин коллежского асессора.

В 1850 г. переведен младшим переводчиком Оренбургской Пограничной комиссии.

Имел двух сыновей: Джангир (1851г.р.) и Шейхуль-Ислам (1849 г.р.) // Формулярные списки. ЦГА РК, ф.4, оп.1, д. 2729, л.1-7.

¹³ **Аитов Мухаммед-Шариф Рахметуллинович** – 1802 г.р., из дворян Оренбургской губернии, получил домашнее воспитание.

В 1817 г. поступил на службу в Бугульминский земский суд подканцеляристом, в 1818 г. переведен на должность канцеляриста. В 1820 г. получил первый классный чин – коллежский регистратор и одновременно переведен на вакансию толмача в канцелярии Оренбургской пограничной комиссии.

11 января 1839 г. «за отличные действия» при освобождении зауряд-хорунжего Шустикова и 15 казаков Уральского казачьего войска, захваченных в плен восставшими казаками под предводительством И. Тайманова и М. Утемисова, был произведен в корнеты.

В декабре 1839 г. Оренбургским генерал-губернатором В.Перовским был командирован в казахские степи для найма верблюдов, в качестве гужевого транспорта для Хивинской экспедиции 1839 г.

С декабря 1839 г. по август 1840 г. находился в плену в Хиве. В сентябре 1840 г. произведен в поручики.

В 1841 г. сопровождал хивинского посла в Санкт-Петербург.

В 1841 г. распоряжением Оренбургского губернатора командирован в Хиву.

18 ноября 1849 г. был назначен попечителем оренбургских прилинейных киргизов.

Награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени.

31 декабря 1850 г. за «усердную и безупречную» службу награжден знаком отличия высшей степени – знак 20-летнего достоинства, выданный из капитала Российской империи и царских орденов.

28 июня 1856 г. вышел в отставку с пенсионом за 38 лет службы и с мундиром. Согласно ст. 527 о военных чинах заслуги за службу пенсион был назначен по чину штабс-капитана, а не по разряду, к которому относилась занимаемая им должность и составила 290 руб. серебром // ГАОрО, ф.6, оп.10, д.7230, лл.1-21об.; ф.167, оп.1, д.24; ЦГА РК ф.4, оп.1, д.2786; д.2728;

¹⁴ **Еникеев Темир-Булат Сулейманович** – 1854 г.р., из потомственных дворян Уфимской губернии, выпускник Татарской учительской школы.

С 1 декабря 1877 по 1 февраля 1879 гг. работал учителем русского класса при медресе г.Оренбурга.

С 18 февраля 1879 г. по 9 ноября 1880 г. – переводчик татарского и казахского языков при Оренбургском военно-окружном суде.

С 1 февраля 1881 г. – переводчик татарского и персидского языков при Тургайском областном правлении. 16 ноября 1881г. получил чин коллежского асессора.

15 ноября 1884 г. за выслугу лет произведен в чин губернские секретари.

31 марта 1888 г. произведен в чин коллежские секретари.

Апрель 1890 г. – за выслугу лет произведен в титулярные советники.

1893 г. – коллежские асессоры.

В 1896 г. за выслугу лет переведен в чин надворные советники.

С 19 апреля по 1 июня 1888 г. по распоряжению военного губернатора находился в качестве переводчика Его превосходительства во время посещения им Тургайской области.

28 февраля 1891 г. – утвержден в звании директора Тургайского областного комитета попечительства.

С 1 апреля по 3 мая 1892 г. распоряжением военного губернатора находился в Илецком уезде для собрания сведений о голодающих казаках и раздачи им денежного пособия.

27 октября 1897 г. за выслугу лет произведен в чин надворного советника.

Награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава 3-й степени.

Был женат на дочери коллежского асессора С.Р. Биглова Гайникамал, имел сына Касыма (1894 г.р.), дочерей Гульсум (1889 г.), Камал (1895 г.) / Формулярные списки. ЦГА РК, ф.25, оп.2, д.290, лл.1-7; д.291, лл.1-5об.; д.292, лл.1-7; д.294, л.2; ф.25, оп.5, д. 180, лл. 1-5.

Еникеев Нигметжан – выпускник Казанской татарской учительской школы 1894 г. С 1894 по 1903 г. работал учителем в русско-татарском училище Мамадышского уезда Казанской губернии и Елабужского уезда Вятской губернии. С 1 сентября по 15 ноября – делопроизводитель дирекции народных училищ Тургайской области / ЦГА РК, ф. 27, оп.1, д. 40, л.15-15 об.

¹⁵ **Субханкулов Абдул-Кадыр** – 1818 г.р., титулярный советник, старший переводчик Оренбургской Пограничной комиссии. 26 ноября 1838 г. был награжден единовременным денежным пособием и знаком отличия за отличную и беспорочную службу за 15 лет // ГАОрО, ф.6, оп.10, д. 5699, л.29 об.; ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2843, л.11-12.

¹⁶ *Гвоздиков И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.Пугачева. Уфа, 1999. – С.44.

¹⁷ *Васильев А.В.* Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргиз с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург. 1898; *Галиев В.З.* Татары-переводчики, путешественники и дипломаты // Казан утлары /Огни Казани/. 1975. № 1. – С. 147-151; *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII – XIX вв. // Культура, искусство татарского народа. Казань. 1993. – С.125-131; *Султангалиева Г.С.* Татарские и башкирские служащие в казахской степи в XVIII –XIX вв. // Этнопанорама. Оренбург, 2000 г. №3 – С. 48-54; *ее же:* Татарская диаспора в конфессиональных связях казахской степи XVIII –XIX вв. // Вестник Евразии. – М., 2000. № 4. – С. 20-37; *ее же:* Сеитовский посад в новой истории Казахстана // Из истории татар Оренбуржья (к 260-летию Татарской Каргалы) Сборник материалов научно-практической конференции. Оренбург, 2005. – С. 56-62; *Ремнев А.* Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. – М., 2006. № 4. – С.5-32.

¹⁸ См. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759) // История Казахстана в русских источниках. Т.3. Алматы, 2005.

¹⁹ ГАОрО, ф.6, оп.6, д.172, л.1-1об.

²⁰ ЦГА РК, ф.4 оп.1, д.5594, л.569

²¹ ГАОрО, ф.167, оп.1, д.24, л.25.

²² ЦГА РК, ф. 4, оп.1, д. 2786.

²³ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). – М.–Л., 1940. Док. № 9. –С. 65-66; ЦГА РК, ф.4, оп.4, д.1223.

²⁴ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). Т.4. – М.–Л. Док. № 65. – С.212.

²⁵ ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, лл.1-62; лл.186-192; ф.4, оп.1, д.2786; д.2728.

²⁶ ЦГА РК, ф.4, оп.1, д.2786, л.3; д.2006, л.8-10, д.2729, л.1-7.

²⁷ ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.47.

²⁸ ГАОрО, ф.167, оп.1, д. 2428, лл.1-28об; КРО-2. А., 1964. Док. №53; ЦГА РК. ф.4, оп.1, д.4910, л.1-5; д.2467, л.165.

²⁹ Материалы по истории Казахской ССР (1785-1825). – М.–Л. Т.4. Док.182; 183; 185.

³⁰ **Сахиб-Гирей Чанышев** – 1825 г.р., из дворян Оренбургской губернии, получил домашнее воспитание. 22 декабря 1845 г. начал службу письмоводителем земельного стола Оренбургского губернского правления. 5 мая 1851. был переведен младшим толмачем в Оренбургскую пограничную комиссию, через четыре года занял должность старшего толмача. 18 декабря 1854 г. получил первый чин – коллежского регистратора, через год губернского секретаря (25.09.1855), а 24 ноября 1857 г. был произведен в чин коллежского секретаря. В 1852 г. был командирован в Уральское укрепление по урегулированию взаимоотношений начальника укрепления с казахским населением. Февраль-март 1856 г. – исполнял должность надзирателя школы для казахских детей при Пограничной комиссии. 14 апреля 1857 г. распоряжением Оренбургского губернатора был назначен приставом к Бухарскому посольству, прибывшему на Оренбургскую пограничную линию. Эти обязанности выполнял и в 1859 г., когда в Оренбург вновь прибыло Бухарское посольство. В 1863 г. по распоряжению оренбургского губернатора П.Безака в течение 5 месяцев (с 15 марта по 10 августа) находился в качестве переводчика при начальнике Аральской флотилии.

13 августа 1868 г. занял должность младшего переводчика Оренбургского губернского правления // ЦГА РК, ф.25, оп.5, д.245, л.179-186.

³¹ **Назар Банкшев** – переводчик Оренбургской пограничной таможни. В 1796 г. сопровождал Бухарское посольство в Санкт-Петербург // ГАОрО, ф.166, оп.1, д.1.

³² А. Субханкулов был командирован в Бухару для поимки фальшивомонетчика Х. Валитова. Он не только выполнил свою миссию, но и собрал сведения о количестве русских, каракалпаков в Бухарском ханстве, о происках англичан в Афганистане // *Галиев В.З.* Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVII –XIX вв.). Алматы, 1994. – С.51.

³³ В ГАОрО имеется дело «О пребывании в хивинском плену корнета М.Ш. Аитова 1839-1840 гг. // ГАОрО, ф.167, оп.1, д.24, лл.1-28.

³⁴ ЦГА РК, ф.25, оп.5, д. 245, л.47. Драгоман (от арабского тарджуман — переводчик). Переводчик восточных языков при дипломатических и консульских представительствах, при послах, консулах и пр.

³⁵ ГАОрО, ф.6, оп.10, д.494.

³⁶ Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. – С.98-104.

³⁷ Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998. – С. 107-112; ЦГА РК, ф. 4, оп. 1, д. 3466, лл. 16-16 об.

³⁸ *Ильминский Н.И.* Воспоминания об И. Алтынсарине. Казань, 1896.

³⁹ ЦГА РК, ф.25, оп.2, д.257, л.1 об.

Аннотация

В статье освещается многогранная деятельность переводчиков и толмачей из татар на юго-восточной окраине России в XVIII-XIX вв.: сбор информации о среднеазиатских государствах и общественно-политической ситуации в степи, сопровождение русских посольств, посреднические функции между местной русской администрацией и казахской феодальной элитой, их вклад в изучение истории и культуры казахского народа.

Ключевые слова: толмачи, переводчики, степь, попечитель, Оренбургская пограничная комиссия, коллежский секретарь.

Summary

The article considers the many-sided activity of Tatar translators and interpreters in the southeastern part of Russia in the XVIII-XIX centuries: the collection of information about Middle Asia countries, social and political situations in the steppes, accompaniment of the Russian embassies, mediatory functions between the local Russian administration and the Kazakh feudal elite, their contribution to the study of the history and culture of the Kazakh people.